

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Сагидаш Зулкарнаева

Выпив ночь из синей чашки

Русское эхо
2014

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
З 93

Зулкарнаева С.С.

З 93 Выпив ночь из синей чашки: Стихи. — Самара:
Русское эхо, 2014. — 80 с.
ISBN 978-5-904319-00-7

Имя Сагидаш Зулкарнаевой уже известно российскому читателю по большим подборкам в «Литературной газете», журналах «Наш современник», «Русское эхо» и других всероссийских изданиях. Но первая книга, в которой собраны лучшие стихи последних лет, выходит только сейчас.

ISBN 978-5-904319-00-7

© Русское эхо, 2014
© Зулкарнаева С.С., 2014

СВЕЧА НА СКВОЗНЯКЕ

Несмотря на то, что имя Сагидаш Зулкарнаевой пока неизвестно читателям России, можно сказать, что перед нами не только очень талантливая, но и зрелая поэтесса, много думавшая и много страдавшая женщина, которой выпала на долю непростая эпоха.

Весной 2013 года, после заседания в Самарской областной писательской организации, поэт из Сызрани Александр Карякин подвёл ко мне её, симпатичную, худенькую, чем-то похожую на пугливую лань. Женщина была настолько скромная, что сама ко мне даже подойти постеснялась. Увы-увы, в литературе часто обладают скромностью совсем не те, кому следовало бы. А вот какой бездарь или графоман, ничтоже сумняшеся, подошли бы и начали зачитывать свои стихи, ничуть не сомневаясь, что создали шедевры...

Биография Сагидаш Зулкарнаевой проста: родилась в 1968 году в Самарской области. Детство провела, можно сказать, в обнимку с природой — помогала маме пасти скот в степи, заниматься сельской нелёгкой работой, ездила на коне лучше заправского наездника... Отголоски степного вольного ветра много позже зазвучат в лирике поэтессы. Многие годы писала в стол, так как

отдалённость проживания от областного центра, семейные дела не позволяли часто бывать в Самаре. Публикация в таком престижном российско-республиканском журнале, как «Аргамак», для Сагидаш Зулкарнаевой на сегодня будет практически самой статусной. И, надеюсь, не последней!

Сагидаш рано вышла замуж, у неё крепкая семья: любящий муж и умница-дочка. Так что и тут она нетипичная поэтесса: никакой тебе сломленной женской судьбы, никаких богом, никакой череды мужей и брошенных поклонников. Один-единственный муж, один ребёнок, крепкая родная почва под ногами и — талантливые стихи...

Порой получаю от Сагидаш по электронной почте письма, от которых веет таким неподдельным почвенным-родным-сельским, что слёзы на глаза наворачиваются. После того как обговорены какие-то творческие моменты, Сагидаш пишет мне: «Побежала доить корову». Да уж, она, талантливая поэтесса из глубинки, не может похвалиться, как иные литературные и окололитературные расфуфыренные «фифы» из больших городов, ни профессиональной коррекцией ногтей, ни стайлингом, ни педикюром... Она сама по себе красивая от природы и обаятельная женщина. Зато она может похвалиться такими стихами, каких никогда не написать пресловутым «фифам». Впрочем поскольку Сагидаш Зулкарнаева

не по таланту скромна, она ничем не хвалится и всегда внимательна к критике. Проживает Сагидаш Зулкарнаева в районе Самарской области с таким много говорящим названием — Большеглушицкий.

Но если эта большая самарская глушь способна питать живительными творческими соками таких талантливых поэтов, как Сагидаш Зулкарнаева, то честь и хвала этой глуши.

Диана Кан,
член Союза писателей России

* * *

Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют
рассвет.
Тень в смирительной рубашке мой обкрадывает
след.
Обернувшись тёплым пледом, обойду
притихший сад.
Пахнет горько бабье лето неизбежностью утрат.
Звёзды светят маяками. Может, в небо, за буйки,
Где цветные сны руками ловят Божьи рыбаки?
И по лунам, как по рунам, выйти в космос
напрямик
По дороге самой трудной, где полёт —
последний миг...
Только в доме спит ребёнок. Захожу, скрипят
полы.
Не скрипите: сон так тонок! В степь пойду, сорву
полынь
И травую горькой, дикой окурю себя и дом:
Блажь полёта, уходи-ка! Полечу потом, потом...

* * *

У бабы Мани всё как встарь:
На кухне — книжкой календарь,
Портрет с прищуром Ильича
И борщ краснее кумача.
А во дворе кричит петух,
Слетает с неба белый пух.
Старушка хлеб в печи печёт,
И время мимо нас течёт.

* * *

Клубок суеты бесконечен,
Мотай, не гляди в небеса.
И вот уж опущены плечи,
И смотрят с печалью глаза.

Уйти бы из жизненной гонки
Под ветра разбойного свист
И стать невесомой и тонкой,
Как этот с прожилками лист...

* * *

Обессилов, разбилась оземь,
Что ж ты плачешь, душа, молчи.
Утону с головою в осень,
Пусть кричат надо мной грачи.

И, забыв о свободе, крыльях,
Заживу, как усердный крот.
Буду честно бороться с пылью
И готовить варенье впрок.

Но однажды, в начале марта,
В час, когда оседает снег,
Подо мной не земля, а карта
Вдруг предстанет в тревожном сне.

Ощувив вновь себя крылатой,
Разучусь по земле ходить.
Прежде чем улететь, над хатой
Буду долго ещё кружить.

* * *

Как в чёрной речке нету дна,
Так и в тебе мне нет опоры.
Ты от меня уедешь скоро,
И я останусь вновь одна.

Не оглянувшись, ты назад
Уйдёшь, а я поставлю точку.
И поцелую тихо дочку
В твои прекрасные глаза.

* * *

Смотрите-ка, небо пробито —
Упало на крыши и лес.
И черпают люди в корыто
Несметные звёзды небес.
Лукавые бесы лакают
Луны просочившийся свет,
Один лишь прореху латает —
Непризнанный небом поэт.

* * *

Я забываю, что стихи горчат,
Что вновь по жизни лента невезенья.
Ведь он летит на свет без опасенья,
Пока в душе моей горит свеча.

Плохой, хороший — это мне не важно,
Я за него готова всё отдать.
Не потому, что с ним легко летать,
А потому, что падать с ним не страшно.

* * *

Я оденусь в шёлк июля,
Не зови меня: ушла.
Пусть молва летит, как пуля,
Зависть жалит, как пчела.
Над ручьём и над канавой,
Где скопился сельский сор,
Напрямик шагну я с правой
Всем врагам наперекор,
Улыбнусь песочным сотам
Муравьиного вождя
И не стану старым зонтом
Заслоняться от дождя.
Прощевай, моя избушка,
Прощевай, моя земля...
Я свободна, как лягушка
В чёрном клюве журавля.

* * *

Без тебя я уже не могу,
Привязалась, мой милый, к тебе я.
За тобой и в пургу побегу,
А одна, как ребёнок, робею.

Говорят, это всё не любовь,
Привыкают, мол, просто с годами.
Почему же ревную я вновь,
Если кто-то стоит между нами?

Много было на нашем веку
Глупых ссор и обид со слезами.
Всё равно без тебя не могу —
Привязалась, как видно, с годами.

* * *

Напьюсь я всласть осенней сини,
Уйду в заречье через мост,
Где серебрит луна полыни
Под многоточьем ясных звёзд.
И по песку, как по наитью,
Придёт покой и благодать,
Чтоб я могла ковыльной нитью
На сердце рану залатать.

* * *

В моей деревне полный штиль,
Смотрю в окно — вся даль открыта:
Дорог степных седая пыль
Дождями частыми прибита.

Там на ладонях берегов
Река уснула до морозов,
Набрав в карманы «матюгов»,
Гусей гоняет дед Спиноза.

На нитку улицы дома
Нанизаны неплотным рядом.
А вот идёт — сойти с ума! —
Соседка в новеньком наряде.

Достану чашки и суфле,
От тёплого окна отлипнув,
И, нарушая дефиле,
Модель села на чай окликну.

* * *

Когда играют на домбре,
Я вижу гладь степной равнины,
Где ходят кони на заре
И светят тонкие рябины.

Когда играют на домбре,
Я будто вижу через время,
Как дарит мне родное племя
Свой след в ковыльном серебре.

* * *

В родном краю милее облака
И солнце ярче и теплей, чем где-то.
И нет светлее и святее света,
И нет целебней в мире родника.
Вот детства дом, у берега реки,
В нём помню всё, до трещинки в пороге.
Глаза закрою — избы и дымки,
И до костей размытые дороги.
Но в этот край взволнованных степей,
Где облака наполнены, как чашки,
Зовёт меня залётный воробей
И лепестки несорванной ромашки.

* * *

В печке морозные плачут поленья,
Ходики мерно идут не спеша.
Смотрит со стенки недремлющий Ленин,
Тихо ступает по дому Душа.

Кошка сыта, и цветочки политы,
А на столе аппетитный пирог.
Двери Души для прохожих открыты,
Вот и Она поднялась на порог.

...
Дети приехали, печь разобрали,
Душу снесли на погост за село.
Кошка ушла, и цветы все пропали,
Ленин остался: ему повезло.

* * *

В моём краю нет края синеве,
Она собой деревья облекает,
И с неба в реку днём перетекает,
А ночью тихо ходит по траве.

И стоит только резкость навести
На синеву, как в ней увидишь Бога,
Ушедших всех и длинную дорогу,
Которую и нам не обойти.

* * *

Перемешались мы с тобой,
Переплелись навек корнями.
В пути меняемся конями
Мы в ситуации любой.

Как начинаю всё с нуля
И очи долу опускаю,
Меня от лиха увлекаешь
Ты в половецкие поля.

И забываю средь ночи
Я обо всём с тобой на свете.
И только ветер, чёрный ветер
Легко нас может разлучить.

* * *

Всё в мире тленно. Все уйдём туда.
Кто раньше, кто потом — никто не вечен.
Осядет муть, и смоем след вода,
Путь у людей так скор и быстротечен.

И всё, что было, унесётся вдаль,
Другие вслед придут, и будет снова
Поступков и страстей вариться сталь,
И круг вертеться, и рождаться слово.

* * *

Я выйду за околицу,
За мной тропинка гонится,
А впереди раздолицу
Раскинули поля.
Польнно-лопуховая,
Ромашко-васильковая,
Берёзово-ольховая
Родимая земля.
Живёт здесь счастье тихое
В калине с облепихою
И в куще с заманихою,
И в гуще ивняка.
В росе оно купается,
Звездюю загорается,
И тайно улыбается
Но всё издалека.

* * *

Я еду, еду к милой маме.
Я знаю, ждёт она меня,
С утра воюя с пирогами
И печку старую кляня.
И пусть мороз сегодня страшен,
Аж снег от холода визжит,
Через лесок, вдоль белых пашен,
Дорога к мамочке бежит.
И без пальто, лишь шаль на плечи
Накинув, через всё село,
Пойдёт ко мне она навстречу
И примет дочку под крыло.

* * *

Снова ветры качают планету
И срывают надежду с петель.
Русь встаёт на ребро, как монета,
И несётся дорогой потерь.

Не живём мы давно — выживаем,
За труды получая гроши.
В час беды на себе разрываем
От бессилья рубашку души.

* * *

Сегодня, завтра, через месяц,
Когда-нибудь, как стает снег.
Сорвусь по чёрным нотам лестниц,
Чтоб вновь упасть в двадцатый век.

Открою дверь, закрою снова,
Скелет увидев от страны.
Вернусь и сдам ключи бывшего
С осадком собственной вины.

И что теперь кричать без толку:
Ушла на дно моя страна,
Когда её делили волки,
А я смотрела из окна.

* * *

Да, я баба — в халате, в галошах,
Обитаю средь голой глуши.
Не люби меня слышишь, хороший,
Отпускаю — хоть пей, хоть греши.

Я похожа на ангела? Ново...
Это с виду, в душе я не та.
Шар воздушный от шара земного
Отличает его пустота.

Не люби, не ходи понапрасну:
Я стихами и мраком дышу.

* * *

Я тебя не стреножу...
Не сажаю на цепь.
Уходи, если сможешь,
Я пустая, как степь.
Чаша полная, треснув,
Стала боль источать.
Остаётся лишь песней
В нашу память стучать.
Под холодной кольчугой
Я любовь сберегу.
И затихну пред вьюгой,
Как берёза в снегу.

* * *

Ты днём — как белка в колесе,
А вечером скорей в берлогу.
Везде успеть, чтоб жить, как все,
Ещё чуть-чуть, ещё немного...

Всё суета. Остановись.
Взгляни на вечность сини, дева!
Ты видишь, как спокойна высь —
Нет ничего важнее неба.

* * *

Подстреленный ноябрь упал дождём последним,
Тумана белый дым пьёт мокрый ветер-волк.
Декабрь встал на трон — осенних дней
наследник,
Он в небесах собрал свой первый снежный полк.

По позвонкам земли волной проходит стужа,
И сон лесов с утра сбивает грай ворон.
Отряды облаков клонируются в лужах,
И цедит солнце свет на выцветший газон.

И вот уже мороз тепло из прели выел,
Застыл какой-то жук на вымерзшей траве...
Всё было так не раз, а будто бы впервые,
И кажется, что я застыну здесь навек.

* * *

А кровь её — небесного состава,
И крылья есть, но только счастья нет.
Вчера она бежать за ним устала —
Пускай поспит, Ты не включай рассвет.
Вернуть его пытался дождь поддатый,
И даже лес пошёл наперерез...
Но он ушёл! Сломав замки и даты,
Наверно, снова в ад к чертям полез.
Он там тусит под песни бедуина
И кличет ветер, стоя на краю,
И в коконе слепого кокаина
Он ловит кайф, зараза, мать твою...
И ей, представь? Вот этот демон нужен —
Больной, обросший, раненый — любой!
Когда луна клонируется в лужах,
Придёт он к ней, чтоб пить её любовь.
А завтра на ладонях мокрый ветер
Им принесёт апрельское тепло.
Я так хочу, чтоб ей на этом свете
Леталось... Слышишь?
Всем чертям назло!

И не мерь мою шкуру: опасно.
Я сама эту жизнь доношу.

* * *

Просто жить и не думать о смерти,
Просто верить всему вопреки,
Что дождей беспросветные плети
Унесутся с течением реки.

Просто помнить, что нам изначально
Бог даёт лишь на время весло,
Оттого так на сердце печально,
Оттого так на сердце светло.

* * *

В колючей вьюге находить тепло
И видеть свет в заброшенном, ущербном.
Любить людей, садиться за весло,
Растить детей в краю полынно-вербном.
И дом вести без шика и затей,
Носить халат, дождями окроплённый.
И собирать по пятницам гостей,
И печь пирог на печке раскалённой.
Дарить тепло, как хрупкая свеча,
В подлунном мире не ища награды.
Писать стихи сырые по ночам...
Ну, что ещё для жизни полной надо?

* * *

Всей душою принимаю
Край ромашковых полей.
Речи речки понимаю,
Слышу песни тополей.
Брякнет конная уздечка,
Крикнет птица в камышах,
И сорвётся от крылечка
В даль бескрайнюю душа,
Где пестрят цветы степные
И в прозрачной синеве
Бродят кони вороные
По нескошенной траве,
Где вода шлифует камни,
Ветер точит небеса
И веков седая память
Спит в ковыльных волосах.

* * *

В соломе света день сияет в сини,
Теплее молока вода в реке.
Пастух хмельной от зноя и полыни,
Как тучу, гонит стадо вдалеке.

Под вечер жар вдоль берега спадает,
Духмяно пахнут травы на лугах.
Как зёв печи, закат огнём пылает,
Несут коровы небо на рогах.

* * *

Проходит мимо счастье и любовь,
Окликнешь — отзовётся только эхо.
Нет, не сержусь — лечусь от боли смехом
И принимаю с честью день любой.
Чего грустить, когда идут часы,
Полны теплом небесные ладони,
Горит герань и хлебом пахнет в доме,
Горьки слова, но помыслы чисты.
Чего мне ждать, каких высот хотеть
И обходить какие грани надо?
Ведь дальше неба некуда лететь
И дальше бездны некуда мне падать.

* * *

Чей пульс на моём отбивает виске,
Чей разум всё ведает разом —
Тот знает, качаюсь ли на волоске
От края, как хрупкая ваза.
Тот знает, что я в рукопашном бою
Порою стихи убиваю,
В степи обитаю, корову дою
И жизнь по глотку допиваю.
И он только знает, как, беды забыв,
Всё миру прощаю худому,
И знает, какая из улиц судьбы
Меня приведёт к его дому.

* * *

О, родина, мне дороги до слёз
Твоих степей ковыльные мотивы,
Весёлый шелест молодых берёз
И нрав ветров безудержно ретивый.

Я дочь твоя, проста, как белый лист,
И жизнь моя — разменная копейка.
О том, что путь нелёгок и тернист,
Всю ночь поёт за окнами жалейка.

Но равно светит солнышко для всех,
И каждый волен выбирать дорогу.
Кому-то деньги — жизненный успех,
Моя же роскошь — степи от порога.

Лишь только здесь могу остановить
Коня судьбы и, отпустив поводья,
Позволить света досыта испытать
И синевы небесной половецья.

* * *

Прости меня, Небо, за то,
Что часто ропщу я при срыве.
От мира укрывшись зонтом,
Стихи сочиняю сырые.

В загаженном дне бытия
Порой не живу — прозябаю.
И ложь, что несёт вития,
За истину я принимаю.

За то, что обиды в горсти
Держу и отбросить не смею.
Прости меня, Небо, прости,
За то, что прощать не умею.

* * *

У осени поздней в остатке сухом —
Рябины горчащей рубинность
И грязь непролазная под сапогом,
Да скисшего неба унылость;
Ветрище, что плачет в степи, как дитё,
Виновник всех листопадений;
Дорога, что в платье потёртом идёт,
Без разницы ей направленье;
И Бога ладошка — кленовый листок,
Весь в тонких прожилках прозрачен.
Он нежно прикрыл от мороза росток —
Для этого ль был предназначен?

* * *

Всё не так и всё не эдак,
Все дороги по кривой.
Ты за юбками кокеток
Волочишься, чёрт с тобой!
Разобью в осколки будни,
От надежды отрекусь.
Стану снова безрассудной,
Под мальчишку подстригусь.
Не бывает чуда дважды,
После пирровых побед
Ты оглянешься однажды,
А меня с тобою нет.

* * *

Ночь, как курица слепая,
Тихо бродит за окном.
Я под утро, засыпая,
Вижу старенький паром.
И в который раз мне снится
Дом на дальнем берегу...
Все события и лица
Я на сердце берегу.
Вот и мама молодая
Возле огненной печи,
Каждый раз не доедая,
Мне готовит калачи.

* * *

Подкосились подпорки, отключилась защита,
Где мои батальоны белокрылых Надежд?
Все пути-переходы снежной стёжкой защиты,
И лихие метели вновь готовят мятеж.

Мне пора измениться от окон до порога,
Приросла безнадёга к лику маской тугой.
И как камень не верит в то, что будет дорогой,
Так и я сомневаюсь в том, что стану другой.

Но иду по сугробам от отчаянья к свету,
По лицу, словно плетью, снег колючий сечёт.
Вот и содрана маска, стал спокойнее ветер,
Батальоны Надежды встали вновь за плечо.

* * *

Последний дождь отчаен —
По снегу мажет тушь.
От осени отчалив,
Нырну под снежный душ.
И по осколкам будней
Босой душой пройдусь,
Держась за солнца бубен,
Как маленький индус.
Под Новый год остыну,
Впустив домой сквозняк,
И сразу с сердца схлынут
Тоска и депрессняк.
Отмою душу в вёснах
И стану просто — я —
Наивной, несерьёзной,
Как юбка пёстрая.

* * *

Михаилу Анищенко

Как... кием по шару — прощанье,
А после — прощенье и боль...
И разных друзей обещанье:
Ты станешь известным, Король!
Но слава с хулою умчались,
Лишь память сидит за столом.
И чёрная птица печали
Стихи укрывает крылом.
Летающие звёзды летальны,
Лишь пыль на небесном ноже.
Средь звёзд неподвижно-банальных
Так зыбко и зябко душе.

И врач твой, и враг — на странице,
Не тесно им больше вдвоём.
Сметает обиды крупницы
Высокое Слово твоё.

* * *

Когда прилёт пернатых с юга
Разгонит время холодов,
На белый север поезд вьюги
Уйдёт по рельсам проводов.

И с ветром вырвется на волю,
Сорвав покоя удила,
Душа широкая, как поле,
Расправив крылья от тепла.

Туда, где синь бежит по венам
В степь опрокинутых небес.
И в талых водах по колено
Стоит от сна оживший лес.

Где на опушке первоцветы
Пестрят пушистой желтизной.
И дышит даль прозрачным светом,
И пахнет утро новизной.

* * *

Ты всё поймёшь и всё простишь,
И ты не станешь унижаться.
И за соломинку цепляться,
Ты даже вслед не закричишь.
Всё вроде так. И день как день,
И жизнь как жизнь, течёт рекою.
Но только нет его с тобою —
Любить других не запретишь.

* * *

Быть может, однажды я тихо уйду,
Как многие в мир тот уходят.
И там в небесах я покой обрету,
Не такая и грешная вроде.
Ты скажешь печально: «Была не была» —
Когда моё имя остынет.
И там, где я мыла, молила, мела,
Другая всё сменит и сдвинет.
И ты будешь снова счастливым ходить,
Меня позабыв озорную.
И только альбом будет свято хранить
С улыбкой меня молодую.
Тебя не виню я: забудешь, ну что ж,
А я бы тебя не забыла.
Но лучше пусть правда, чем горькая ложь,
Тебя наперёд я простила.
Лишь только однажды, быть может, во сне,
Меня позови, как когда-то.
Ведь что-то должно же остаться и мне,
Мне большего, слышишь, не надо.
Я знаю, однажды я тихо уйду,
О прошлом ничуть не жалея.
Не счастье — покой в небесах обрету:
Счастливой была на земле я.

* * *

Мне этой сини вдоволь не напиться,
Не наглядеться на просторы нив.
Эх, воспарить бы над полями птицей
И полететь, дыханье затаив.

Мне ничего заморского не надо,
Степная соль живёт в крови моей.
Ковыльной пыли привкус горьковатый
Я помню с трудной юности своей.

Полынный край! Люблю тебя до боли!
И признаваться в этом не стыжусь.
Когда-нибудь, над этим чистым полем,
Я тихим светом в синеву прольюсь.

* * *

На пыльную асфальтовую нить
Нанизаны деревья и посёлки.
А вдоль дорог — ромашки, кашки, сныть
Да ковыля соцветия-метёлки.

А там — в краю непаханных полей...
По долу — желторотые тюльпаны.
И, кажется, в раздолье ковылей
Ещё пасутся дикие тарпаны.

Внезапно дождь прошёлся по траве,
Сбивая пыль и намочив мне платье.
И жаворонок в ясной синеве
Залился трелью над степною гладью.

* * *

На все четыре стороны — простор,
Окину взглядом — всё полынь седая.
Порою здесь в безверье пропадаю,
Но я терплю ветрам наперекор.

Вокруг меня задиры-петухи,
Вновь дёргают мои цветные перья.
Одно перо не трогайте, тетери,
Которым я пишу свои стихи.

* * *

Дом хотел хоть на миг оторваться от скучных
забот
Беспросветной судьбы со всегда протекающей
крышей.
Он давно невзлюбил прилипалу — железный
забор
И наскучивший двор, и фундамент, местами
прогнивший.
И как только заснул в нём хозяин, он взмыл
в небеса,
Оставляя внизу этот мир, порождающий пластик.
Занавески надув ураганами, как паруса,
Поднимаясь всё выше под самую сферу галактик.
Но, насытившись волей, вернулся под утро назад,
Незаметно для всех опустившись на старое место.
Дверь закрыв на замок, затворяя оконца-глаза,
Дом устало заснул, устроив все мечты и протесты.
Он не раз полетит, непонятною силой ведом,
На шальном вираже, синевой наполняя отсеки.
Но однажды средь звёзд в одночасье рассыплется
дом,
Если старый хозяин уснёт в его стенах навеки.

* * *

Снежинка упала звездой серебристой,
Растаяла, стала слезой.
И наша любовь так горела лучисто!
А стала обычной золой.
Всё в мире проходит, и чувства сгорают,
Взамен оставляя печаль.
Другие дороги любовь выбирает,
И всё же прошедшего жаль.

* * *

Ссыпаются песком осколки дней,
Приумножая в памяти пустыню.
У года уходящего на дне
Последний день декабрьский тихо стынет.
Пуская кольца дыма в синь небес,
Раскуривает трубку дом наш славный.
Весь в инее хрустальном дремлет лес,
Под солнцем ослепительно-стеклянным.
Торжественно и сказочно в бору,
А вдоль — дорога тянет километры.
Рябины яркой гроздь... Соберу.
И ягодами ель украшу щедро.
...Оскоминой сведёт рябина рот,
Что в сахарном снегу казалась сладкой.
И стрелка, пробивая Новый год,
В январь войдёт, как нож, по рукоятку.

* * *

Ветки деревьев cedят из неба синь,
Ветер читает руны былых времён.
Гостем незваным в двери заходит стынъ,
Вновь заступает вьюга на белый трон.

День уходящий сдулся, как старый мяч,
Ночь заката в небо луны пятак.
Всё будет так, как мне напороочил врач,
Хоть говорит будильник: не так, не так...

* * *

Не ведая ни страха, ни стыда,
Летит снежок на город незнакомый.
Влечёт меня магнитом вновь сюда,
О, хоть бы раз его увидеть снова!

Но никогда покой совместный ваш
Звонком своим неожиданным не нарушу.
Разрежет лист на строчки карандаш,
И станет легче, выйдет стынь наружу...

Скребётся утро веткой за окном,
Боль догорит, как в печке головёшка.
Обожжена надежда сквозняком,
Зачем же мне её в душе тетёшкать?

...Нет, я не злюсь и не ревную к ней,
И не страдаю завистью и мщеньем.
Седое поле памяти моей
Засеяно покоем и прощеньем.

* * *

Фигурою нэцкэ застыла на ветке ворона,
Секундная стрелка пробила уставшее время.
Дожди отшумели, морозы надели корону,
Из коконов неба проклюнулось снежное племя.
Заснул под осиной за ночь нагулявшийся ветер,
Вороне — работа: зарю вполнакала включает,
Из памяти солнца стирает прокисшее лето.
И, в фартуке чёрном декабрь белоногий встречая,
Ругает прохожих, и каркает: «Нет вам спасенья!»
Идёт за старухой, как тень, подражая походке...
То тихо вздыхает, прощаясь с печалью осенней,
То, радуясь снегу, танцует — крылатая готка.
И к ночи ворона, начистив на небе монетки,
Фигурою нэцкэ в саду замирает на ветке.

* * *

Льётся с неба синева —
Хоть руками черпай.
И кружится голова
От полыни терпкой.
А над полем тихий звон —
Птичьи переливы.
Это день взошёл на трон
Солнечным наливом.
И берёза от тепла
Свесила серёжки.
Видно, мода вновь пришла
На весны одёжки.
Над землёю неба цвет —
Синим полушалком.
Мне за этот тихий свет
Ничего не жалко.

* * *

Когда уходит близкий самый,
Родной, любимый человек,
Весь мир предстанет горькой драмой,
Где всё чернеет, даже снег.
И никогда! Ничем на свете
Тепло их рук не заменить.
Пока вы живы, не скупитесь
Родным любовь свою дарить.

* * *

Прошу тебя, Всевышний, сохрани
Мою семью от всякого разора.
И ветер зла, и мелкого раздора
От моего порога отгони.

Прошу тебя, Всевышний, помоги
Преодолеть все сложные преграды.
Дай хлеба всем, здоровья и воды,
А большего, быть может, и не надо.

А если вдруг крылом заденет ночь
Мою семью, что мне всего дороже,
Дай силы мне все беды превозмочь,
Пусть будет лишь моей любая ноша.

* * *

День прошёл. На карте неба
Зажигает звёзды Бог.
Спит сухой буханкой хлеба
В чистом поле сенный стог.
И заснул, отплакав, ветер —
Нос меж досок прищемил.
Только месяц — тайн свидетель,
Освещает спящий мир.

* * *

Вернуться бы в дом, что стоит у реки,
В тот край белоногих берёз и раkit.
Где желть первоцветья, как стайка цыплят,
И где баурсаки в казане шипят.
Где с дедом мы едем на старой арбе
Сбывать шерстяные на рынок корпе.
И там покупают мне платице-клёш,
С воланами книзу и синее сплошь.
Приехали. В платье кружусь средь овец,
Те в жизни не видели синих «колец».
И даже Всевышний, дела отложив,
Всё смотрит, как неба кусочек кружит.

* * *

Не говори высоких слов
Ты о любви к земле родимой.
Не передать свою любовь
Словами чёрствыми, пустыми.
Когда рассвет зажжёт лучи,
Иди один навстречу полю
И в этом утреннем раздолье
О самом главном помолчи.
От суеты земной вдали,
Открыв сомненья воле ветра,
Лишь здесь поймёшь: на белом свете
Есть притяжение земли.

* * *

Она не в ногу с прочими шагала
И обожала образы Шагала.
Ещё любила Пушкина и Блока
И увлекалась нетяжёлым роком.
Она всегда с собой носила праздник,
Её любил бездомный кот-проказник.
Собак и птиц не обходила пищей,
Не проходила мимо сырых, нищих.
Она в любую жизненную слякоть
Своим родным не позволяла плакать.
Когда в ненастье небо прокисало,
Бралась за кисть и синеву спасала.
Плела, стирала, резала салаты,
На кров и стол всегда была богатой.
Заваривала чай с травой душистой,
Была красивой, доброй и душистой.
Но как-то раз она не вышла к людям...
Теперь её хранить мы в сердце будем.

* * *

Перерезав пуповину
Бесконечности сует,
Вдаль, где рыжие овины,
Ускользну на склоне лет.
Утопив ведро и веник,
Брошусь в синий водоём.
Обернусь не птицей Феникс,
А пугливым воробьём.
Ты меня в руках согреешь,
Но под утро — лишь перо.
Несерьёзную жалеешь,
Мой задумчивый герой?
Но когда, как чашка оземь,
Разобьюсь, пойдёт молва,
Ты скажи, мол, вышла в осень
И сгорела, как листва.

* * *

Вот и май. Туманом нежным
Занавесило село.
Заневестилась черешня,
И в саду белым-бело!
На полях бороздки — цепью,
Трактора гудят вдали,
Пролетая по-над степью,
Ветер гладит ковыли.
И, набравшись первой влаги,
Распустился первоцвет.
И трава из-под коряги
Выбивается на свет.

* * *

Из пустого в порожнее лейте, рыдайте в ночи.
Распадайтесь на атомы, падайте листьями
с веток.
Спите стоя, как дерево, станьте огарком свечи.
В двери неба стучите, лечитесь обманом таблеток.
Окликайте по имени, фото затрите до дыр,
Угрожайте богам, подменяйте события, лица;
Вспоминайте бывшее, кляните безжалостный мир.
Только всё это зря: никому не дано повториться...

* * *

Неделю моросило беспрестанно,
Как будто дождь привязан был к земле.
Но через день снежок пошёл на раны,
Забинтовал округу на заре.

Ни строчки на моей странице белой,
Который день сама с собой борюсь.
Качаю грусть в душевной колыбели
И выплеснуть на зимний лист боюсь.

* * *

Осень. Размыта дорога,
Оголена до костей.
Ветер лихой до порога
Стелет из листьев постель.
Стайкой снуют деловито
Перед отлётом грачи.
Вечер чаинкой испитой
Тонет в бокале ночи.

* * *

Марине

Осенний дождь, спускаясь с туч,
На пару с ветром воду мутит,
Но завтра город белым будет:
В ладонях неба снега ключ.

В горчичной охре куст кровит —
То одинокая рябина.
И ты горишь душой, Марина,
Среди потухших в дождь орбит.

Твоя рябиновая грусть
Ведёт тебя до зимней двери,
Ты в исцеление не веришь,
Как этот отгоревший куст.

* * *

По тонкому льду равнодушья,
Не прячась, открыто иду.
А ты лишь оклики — услышу
И первой на помощь приду.
На сердце тоска и тревога?
Не бойся, я боль ворожу.
Зовёт тебя снова дорога.
Иди, я тебя не держу.

* * *

На грязь взирая
И на темень донца,
Мы открываем
Душу всё же солнцу.
И пусть, как накипь,
Злое наверх метит,
Но в результате —
Мрак слабее света.

* * *

Этот край не бархат и не шёлк,
А скорее ситец бирюзовый.
Кто однажды здесь себя нашёл,
К этой сини возвратится снова.
Кто хоть раз испил нектар степной
И с зарёю в поле целовался,
Не забудет этот край родной,
Где родился, вырос и влюблялся.

* * *

Что счастье для меня? Да, жить...
В родимом крае беспредельной сини,
Где чистый воздух — пить не перепить,
Степных просторов не объять светлыми.

Что счастье для меня? Любить.
Свою семью: дороже её нету,
И на душе обиды не копить,
А запастись впрок добром и светом.

Что счастье для меня? Творить!
Добро дарить, себя не восхваляя.
И в каждой строчке сердцем говорить,
Стихи водою лжи не разбавляя.
Что значит счастье для меня...

* * *

Как могу, так пою тебе, Родина!
О твоих серебристых степях,
О разливах твоих в непогодинах,
О задумчивых, светлых стогах.

О дорогах твоих неухоженных,
Что лежат то в грязи, то в пыли,
О полях, позабытых, нескошенных,
О гармошке — певунье в дали.

Как могу, так люблю тебя, Родина!
И меня иногда привечай.
Не одна мною тропка здесь пройдена,
Не одна — отболела печаль.

Содержание

Диана Кан. Свеча на сквозняке	3
-------------------------------------	---

«Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют рассвет...».....	6
«У бабы Мани всё как встарь...»	7
«Клубок суеты бесконечен...».....	8
«Харуки Мураками, я к вам письмо пишу!...»	9
«Обессилен, разбилась оземь...»	10
«Как в чёрной речке нету дна...»	11
«Смотрите-ка, небо пробито...»	12
«Я забываю, что стихи горчат...»	13
«Я оденусь в шёлк июля...»	14
«Без тебя я уже не могу...»	15
«Напьюсь я всласть осенней сини...»	16
«В моей деревне полный штиль...»	17
«Когда играют на домбре...»	18
«В родном краю милее облака...».....	19
«В печке морозные плачут поленья...»	20
«В моём краю нет края синеве...»	21
«Перемешались мы с тобой...»	22
«Всё в мире тленно. Все уйдём туда...».....	23
«Я выйду за околицу...»	24
«Я еду, еду к милой маме...».....	25
«Снова ветры качают планету...»	26
«Сегодня, завтра, через месяц...»	27

«Да, я баба — в халате, в галошах...»	28
«Я тебя не стреножу...»	29
«Ты днём — как белка в колесе...»	30
«Подстреленный ноябрь упал дождём последним...»	31
«А кровь её — небесного состава...»	32
«Просто жить и не думать о смерти...»	33
«В колючей вьюге находить тепло...»	34
«Всей душою принимаю...»	35
«В соломе света день сияет в сини...»	36
«Проходит мимо счастье и любовь...»	37
«Чей пульс на моём отбивает виске...»	38
«О, родина, мне дороги до слёз...»	39
«Прости меня, Небо, за то...»	40
«У осени поздней в остатке сухом...»	41
«Всё не так и всё не эдак...»	42
«Ночь, как курица слепая...»	43
«Подкосились подпорки, отключилась защита...»	44
«Последний дождь отчаен...»	45
«Как... кием по шару — прощанье...»	46
«Когда прилёт пернатых с юга...»	47
«Ты всё поймёшь и всё простишь...»	48
«Быть может, однажды я тихо уйду...»	49
«Мне этой сини вдоволь не напиться...»	50
«На пыльную асфальтовую нить...»	51
«На все четыре стороны — простор...»	52
«Дом хотел хоть на миг оторваться от скучных забот...»	53
«Снежинка упала звездой серебристой...»	54
«Ссыпаются песком осколки дней...»	55
«Ветки деревьев cedят из неба синь...»	56
«Не ведая ни страха, ни стыда...»	57

«Фигурою нэцкэ застыла на ветке ворона...»	58
«Льётся с неба синева...»	59
«Когда уходит близкий самый...»	60
«Прошу тебя, Всевышний, сохрани...».....	61
«День прошёл. На карте неба...»	62
«Вернуться бы в дом, что стоит у реки...»	63
«Не говори высоких слов...»	64
«Она не в ногу с прочими шагала...»	65
«Перерезав пуповину...»	66
«Вот и май. Туманом нежным...»	67
«Из пустого в порожнее лейте, рыдайте в ночи...»	68
«Неделю моросило беспрестанно...»	69
«Осень. Размыта дорога...».....	70
«Осенний дождь, спускаясь с туч...»	71
«По тонкому льду равнодушья...».....	72
«На грязь взирая...»	73
«Этот край не бархат и не шёлк...».....	74
«Что счастье для меня? Да, жить...»	75
«Как могу, так пою тебе, Родина!...».....	76

Литературно-художественное издание

Сагидаш Сайдулловна Зулкарнаева

ВЫПИВ НОЧЬ ИЗ СИНЕЙ ЧАШКИ

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Корректор — ***Алексей Сыромятников***

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 26.05.2014. Формат издания 70х100/₃₂.

Объём 3,25 печ.л. Гарнитура Excelsior Cyrillic.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 400 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru